

Матрос с легендарного

Д. Сизов

В центре рабочего поселка Пильна есть могила и установленный на ней памятник-обелиск. На мраморной доске высечены имена трех коммунистов: Шараськина, Фролова и Китаева. О славной жизни и гибели одного из них — Шараськина Кузьмы Константиновича рассказывается в предлагаемом читателю очерке Вгения Гусева.

Это было в начале года. Пионеры Шумерлинской сельской школы зашли в дом председателя сельского Совета. Их приветливо встретил хозяин квартиры Федор Иванович Шараськин.

— С чем пожаловали? — весело спросил он их.

— Макулатуру собираем. Может, и у вас есть бумага?

— Вы посидите малость. Я старые подшивки газет отыщу, — Федор Иванович удалился в сени. А ребята тем временем рассматривала фотографии. Их на стене было много. Но вот взгляд одного из мальчуганов заинтересованно уставился на пожелтевшую фотографию. На ней четверо бравых матросов. На бескозырках заметная надпись "Аврора".

— Ребята, смотрите! Моряки с легендарного крейсера!

И пионеры забыли о макулатуре. И только переступил

порог Федор Иванович, как ребята засыпали его вопросами. Все они члены отряда красных следопытов. Для них такие люди большая находка. И вот что они узнали...

...В осеннюю распутицу на резвой лошади каурой масти в деревню Шумерля приехал курмышский околоточный. Его приезд всякий раз будоражил жителей. Люди смотрели, куда повернет. Он минул овраг и, придержав у моста коня, спросил проходившую мимо крестьянку...

– Шараськин где живет?

– У нас Шараськиных, ваше благородие, полдеревни, – степенно ответила женщина.

– Нач Константин Шараськин требуется! – повысил голос околоточный.

– Тогда вот сюда, – показала крестьянка на домик за ветлами.

– Кто тут Кузьма будет?! – загремел околоточный с порога.

С печи показалась кудлатая головая парня.

– Я буду им, – представился Кузьма.

– А ты груб, рекрут. Ничего! В армии тебя господа офицеры научат уму-разуму...

После этих слов в чулане заголосила мать. Хоть четверо ребят у нее, семья живет впроголодь, а отрывать от себя сына жалко.

– Ладно, мать. Слезами службу не отсрочишь, – сказал хозяин дома Константин Иванович.

С вечера Шараськин-старший начал готовить телегу. Обильно полил дегтем оси, осмотрел спицы колес. А утром чуть свет вся семья была на ногах. По такому случаю отец разрешил сыновьям одеть новые лапти. Когда Кузьма вышел на

улицу, на его шее повисла мать.

– Ладно, абай! Меня германцы не убьют, – сказал Кузьма. Потом по очереди обнял братьев, Михаила, Дмитрия и Степана.

– Не провожайте меня дальше околицы, не люблю слез, – сказал рекрут. И на прощанье оглядел родную деревню. Взглянул на родной дом.

До самого Курмыша вез его отец. Ночевали на постоялом дворе. Отсюда направились на сборный пункт.

– Характер свой больно не показывай. Береги себя, – напутственно сказал отец. И они расстались.

Через месяц пришло письмо. Кузьма сообщал родителям, что служит на крейсере "Аврора".

Потом переписка прекратилась: в стране стало неспокойно. Пошли разговоры о революции. Докатились они и до деревни. В селах волновались мужики. А тут, вернувшись с базара, крестьяне рассказывали: курмышцы бранили самого царя. Неслыханная вещь! Этому верили и не верили. Но потом убедились воочию. Шумерлинские мужики, прибывшие в Курмыш, видели, как арестовали там "бунтовщиков".

Шли дни. С первой попутной оказией Константин Шараськин получил письмо. Написал его Кузьма. Сообщал, что скоро приедет на побывку.

И правда, в начале 1918 года в деревню явился матрос. Он пешком пришел со станции Алатырь. К дому Шараськиных началось паломничество. Приходили даже из других деревень посмотреть на матроса-большевика. Женщины-солдатки окружив его, спрашивали:

– Может, моего Петра видел?

– Нет, милая, не встречал. Велик фронт. Разве встретишь! – отвечал с грустью Шараськин.

К ночи, когда от избы отвалил народ, дед Шараськин спросил внука:

– И правда, Кузьма, что ты в партию записался?

– Правда, деда!

– А отчего же у тебя красного банта нет? – допытывался дед.

– А зачем же бант? У меня об этом в книжке написано, – гордо свекрнул глазами Кузьма. Он вынул из кармана красный билет.

– На вот, читай!

– Я же грамоту-то..., – развел руками дед.

– Ничего, скоро всех обучим грамоте. И ты, дедка, будешь читать "Правду", – горячо и вдохновенно сказал Кузьма Константинович и подал ему привезенную газету.

Утром нового дня Шараськин решил пройтись по улице. Мать суетливо сказала:

– Спал бы! Небось намаялся в дороге!

– Так можно и все проспать, – улыбнулся Кузьма. – Надо на деревню взглянуть.

Он неторопливо зашагал по улице. Рассматривал дома, и вдруг до него долетела брань. У двора Николая Сермеева толпился народ. На крыльце в новой поддевке, заложив руки за ворот, стоял Сермеев. Заметив Шараськина, он любезно оскалился:

– Наше почтение красному моряку!

– В чем дело, товарищи? – спросил крестьян Шараськин.

– Да вон ирод-то, пахал свой участок и ползагона моей земли прихватил. Все мало, – пожаловался крестьянин в рваном кафтане.

– И у меня клин прихватил, – сказал другой.

– А у самого земли больше, чем у нас всех.

– Кулак! – определил Шараськин.

– Что сказал? – полюбопытствовал один из крестьян.

– Кулак, говорю, наш классовый враг. Ну пошли на поле, – распорядился Шараськин.

– Здесь морячок, тебе не Питер. Не командуй! – крикнул зло Сермеев. Но пошел вслед за матросом и крестьянами.

Справедливость была восстановлена. И когда благодарные мужики разошлись по домам, Шараськин и Сермеев остались один на один.

– Не сносить тебе головы, Кузьма. Помяни мое слово!

– Не пугай. Не пугливый. Не таким хребет сломили, – сказал большевик Шараськин.

Но как только моряк уехал в Петроград, задуманные границы Сермеев вновь восстановил. Об этом написали ему односельчане. Они просили его сходить куда надо, заступиться за них. Кузьма Константинович ответил, что он скоро приедет и на месте наведет порядок. И он приехал, имея направление. Его назначили председателем Языковского волисполкома.

– Вот и встретились, Сермеев, – сказал ему Шараськин. Он первым в волости раскулачил этого шумерлинского богача. А потом стали лишаться своих богатств кулаки других деревень волости.

Как-то волостному управлению сообщили: служители медянского монастыря присвоили себе много денег, спрятали от Советской власти хлеб.

– Надо проверить, – сказал он своим помощникам коммунистам Китаеву и Фролову.

Утром все трое отправились в Медяны. Проверка показала, что в монастыре хранилось большое количество хлеба. Немало было и денег.

– Вот тебе и безобидные монахи, – сказал Шараськину Фролов, – Одной рукой лоб крестят, другой воровать лезут.

– А глядят-то на нас словно волки! – заметил Фролов.

– Не беда, пусть смотрят. Ты думай о другом. Скольких людей мы спасли от голода, – сказал Шараськин. – Вон сколько хлебушка-то.

Темнело, когда они вышли из монастыря.

– Наган проверь. Неровен час, Кузьма Константинович, – предложил Шараськину Фролов.

– Не паникуй. Всегда тебе враги мерещатся, – недовольно сказал председатель волисполкома.

В овраге густел туман. Когда спустились вниз, внезапно перед их глазами выросла толпа людей. Все были в черном.

"Монахи", – догадались коммунисты.

– Рассчитаемся, большевички! – крикнул кто-то из толпы. И тишину разбудили выстрелы из обреза. Стреляли им сзади в спину. А потом в ход пошли колья.